

вторую половину, а то и треть XX в. Объясняется это просто. У России не было колоний в Африке, как, собственно, и колониальных интересов на Африканском континенте. Некоторые политические и культурные амбиции императорской России проявлялись в районе Рога и Юга Африки. Но коллекционирование предметов из Эфиопии имело скорее экзотический и, может быть, даже более или менее масштабный «сувенирный» характер. Что, тем не менее, не умаляет их значения для истории формирования фондов отдела Африки МАЭ. Без собраний В.В. Юнкера, Кохановского, Булатовича не было бы ядра африканских фондов МАЭ, не было бы фундамента для сбора и для обменов с другими музеями мира, прежде всего той же Германии. Добавлять и дополнять можно только при условии, что что-то уже имеется. И каковы бы с профессиональной точки зрения ни были бы случайными и даже любительскими эти поступления (взять для примера того же Н.С. Гумилева), они были. Они состоялись. Они составили некую массу систематизированных и музеефицированных предметов, которые представляют ныне экспозиционный и исследовательский резерв МАЭ.

Зато сборы Л. Фробениуса, Д.А. Ольдерогге и В.Р. Арсеньева следовали научной концепции всестороннего комплексного отражения соответствующих культур. Причем применительно к коллекции Л. Фробениуса есть основания говорить о «вторичной комплексности» его коллекции № 1688, находящейся в собрании МАЭ. Дело в том, что эта коллекция — продукт не «первичного сбора», но «вторичной выборки», т.к. была подобрана из массы предметов, привезенным Л. Фробениусом для Гамбургского Музея народоведения. Она поступила в 1910 г. путем обмена с Гамбургским музеем народоведения на этнографические предметы по народам Сибири и Средней Азии. Коллекцию компоновали в музейных условиях Гамбурга на основе наличия аналогов (дублетов) и показательности для характеристики культуры. Может быть, поэтому в ней все же много однотипных и не всегда оправданных для репрезентативности предметов: пряслица, хлопчатобумажные ткани «боголан» и т.п. Однако об этом — ниже.

Африканские фонды МАЭ

Африканские коллекции МАЭ составляют около 13 тысяч номеров. По мировым масштабам это немного. Но в Кунсткамере на первое место выходит не столько количество, равномерная и всеобъемлющая репрезентативность собраний для характеристики и отобра-

жения культур всего континента, сколько их значительный возраст, редкость, достоверная документированность и т.п. Среди таких особенностей, обуславливающих очевидные достоинства африканских фондов МАЭ, можно отметить локальную представительность отдельных коллекций, позволяющих характеризовать большие культурные зоны или весь континент в целом. Особо значимо то, что некоторые коллекции связаны с деятельностью выдающихся ученых и деятелей культуры. Такие коллекции несут на себе отпечаток не только культур, в которых и для которых входящие в них предметы были созданы, но и личностей собирателей, их ценностных ориентаций, научных и музееведческих концепций, эстетических предпочтений.

Среди таких коллекций, безусловно, собрания В.В. Юнкера, Н.С. Гумилева, Л. Фробениуса, Э. Голуба, А. Мансфельда, Д.А. Ольдерогге и других. Можно утверждать, что достойная оценка этих собраний требует специальных и достаточно специфических научных исследований, часть из которых уже предпринята. Ведь требуется характеристика не только вещей, но и собирателей, их научного вклада, художественного вкуса, человеческих пристрастий. Само переплетение судеб людей и судеб вещей может представлять значительный исследовательский и общекультурный интерес. Тем более что контекст эпохи, состояния культуры налагал свой отпечаток на формирование коллекций. В какой-то мере такая работа уже начата. Так, В.В. Юнкер оказался в центре внимания З.Л. Пугач [Пугач 1985]. Идут завершающие работы по публикации сборов для МАЭ Н.С. Гумилева. Другие коллекции и их собиратели еще ждут своих исследователей. Проблема, в частности, в том, чтобы найти органичное и адекватное осмысление феномена личности собирателя, его ценностных установок в контексте времени собирания, возможностей сбора, реального результата собирательской деятельности, соответствия результата сборов идеальной модели (стратегии) музейной деятельности. Последняя должна отражать единство собирательской, исследовательской, хранительской, экспозиционной и пропагандистской работы.

Представляется, что подобная работа во многом проблематична из-за слабой методической базы таких исследований, ибо преимущественно они ведутся как эмпирические — на базе хронологически обусловленных подходов биографического характера — либо за основу берутся локальные культуры и отслеживается степень вклада соответствующего собирателя (по номенклатуре предметов и их качеству).

Впрочем, можно утверждать, что концептуальная база для выхода на новый уровень понимания, формулирования и поиска целостного разностороннего и всеобъемлющего подхода к рассмотрению конкретных коллекций как системы связей и опосредований — «культура собирателя» — «собиратель» — «предметы сборов» — «среда/культура среды собирательской деятельности» — в принципе созрела.

Коллекции Лео Фробениуса в африканских фондах МАЭ

Применительно к характеристике культуры Западного Судана да и в целом для показательности значимости всех африканских фондов МАЭ коллекция Л. Фробениуса представляет особый интерес, хотя и таит немалые сложности для исследования. Прежде всего необходимо отметить, что в МАЭ фактически две подборки предметов, происходящих из сборов Л. Фробениуса в Западном Судане в начале первого десятилетия XX в. Одна из них — коллекция № 1688 — относительно хорошо известна, ее предметы включаются в постоянные и временные выставки МАЭ, а предметы их этой коллекции регулярно фигурируют в различных престижных изданиях, отражающих собрание МАЭ. В отличие от этой коллекции, известной в первую очередь наличием в ней предметов высокой художественной ценности (№ 1688-1–13 и др.), фактически уникальных в МАЭ до привозов Д.А. Ольдерогге, коллекция № 1696 либо вообще не упоминалась, либо о ней говорилось с оттенком скепсиса и пренебрежения.

Я вынужден ограничиться лишь самым общим упоминанием о ней и подробнее остановиться лишь на коллекции № 1688, которую достаточно хорошо изучил в процессе составления подробной описи на базе рабочей музейной описи, составленной Д.А. Ольдерогге. Как это ни странно, но он сам нечасто упоминал коллекцию № 1696, и она остается по существу необработанной в фондах МАЭ вот уже сто лет с момента своего поступления в 1910 г. Причем первичной обработкой коллекции при ее оформлении в фонды МАЭ занимался тот же Д.А. Ольдерогге. В его описи указано, что коллекция № 1696 происходит из экспедиционных сборов Л. Фробениуса в Западном Судане в 1908 г. В ее состав входят по преимуществу предметы археологического характера: каменные орудия, среди которых наиболее многочисленными оказываются топоры. Их отнесение к категории «неолитических» возможно только по типологическому соответствию европейской археологической классификации каменных орудий.